

УДК 930

ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ КРЯШЕН В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Севастьянов И.В.

*Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

В статье описывается историография изучения этнографии кряшен как этноконфессионального сообщества, относящаяся хронологически к советскому, а также к постсоветскому этапам отечественной истории. Особое внимание уделено осмыслению в названной историографии этнокультурной специфике кряшен на фоне общего татарского этнолингвистического массива. Кроме того, анализируется история изучения внутреннего разнообразия кряшенского этноконфессионального сообщества, различных этнографических групп из которых состоит названное сообщество. Значительное место уделено научной трактовке этнической идентичности кряшенского населения, принадлежащего к различным локально-этнографическим группам. Кроме того, делается попытка осмыслить различные теоретические подходы, применявшиеся авторами-специалистами при изучении ими этнографии кряшен.

Ключевые слова: кряшеноведение, историография, этнические группы, теория этноса, конструктивизм, татароведение.

В настоящей статье речь пойдет о научной литературе из области кряшеноведения, чье появление пришлось как на советский, так и на постсоветский этапы истории нашей страны. Задача состоит в выявлении и кратком описании наиболее значимых работ в этой сфере. Цель в данном случае заключается в том, чтобы показать, как в тех или иных работах освещался и трактовался вопрос этнокультурной идентичности кряшен как этноконфессионального сообщества. Вместе с тем для нас будет важна проблема специфики традиционной культуры кряшенского населения различных этнографических групп и ее освещение в историографии соответствующей направленности.

В начале XX в., включая 1920-е гг., сформировалась плеяда известных исследователей, специалистов по этнической истории Волго-Уральского региона. Было накоплено и проанализировано немало

новых сведений по этнографии татарского народа, в частности, тех этнических групп, которые расселены в Волго-Камье. Позже школа отечественной этнографии (этнологии) обогатилась новыми научными теориями, в данном случае, «теорией этноса», связанной с именем академика Ю.В. Бромлея. В частности, основы названной теории применялись и при исследовании этнических групп татар Волго-уральского региона таким известным специалистом в области татароведения как Д.М. Исхаков.

Одним из первых советских исследователей-этнографов, чье внимание привлекла традиционная культура кряшен, был специалист по тюркским народам Поволжья Н.И. Воробьев.

Так, некоторые общие сведения о кряшенях содержатся в статье Н.И. Воробьева «Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Челнинского кантона ТССР». В данной работе утверждается, что история кряшен, начиная с формирования их как этноконфессиональной группы в XVI–XVII вв., проходила в условиях культурной изоляции от влияния татар-мусульман, что постепенно привело к формированию у кряшен особого «этнического» самосознания. В то же время, как отмечает автор, кряшены испытали заметное влияние со стороны соседних угро-финских народов, особенно удмуртов [7, с.157–159]. Упоминается о распространенности культа *кереметей* у кряшен Закамья и, вообще, о сильном влиянии в их среде языческих верований. Присутствует и краткое описание материальной культуры кряшен Закамья.

В статье «Кряшены и татары (некоторые данные по сравнительной характеристике быта)» Н.И. Воробьевым сообщаются примерно те же сведения по этнографии кряшен, что и в предыдущей статье. В историческом плане кряшены характеризуются им как «памятник русификаторской политики самодержавия по отношению к татарам» [6, с.3]. При этом автор склонен считать, что до завоевания Казани некоторые группы поволжских (казанских) татар могли вообще не исповедовать ислам, или же очень мало успели проникнуться его влиянием. Они, приняв крещение в XVI столетии, и могли быть предками собственно кряшен [6, с.3–4]. Здесь можно заметить определенное противоречие т.к. принято считать, что казанские татары сформировались именно как мусульманский народ, причем сам период завершения этого процесса формирования вызывает много споров, как у историков, так и у этнологов. Как бы то ни было, Н.И. Воробьев склонен считать кряшен и татар единым по сво-

ему происхождению народом, но здесь же он оговаривается, указывая на то, что этого нельзя утверждать категорически. Бытовые отличия между кряшенами и татарами, по его мнению, объясняются различными условиями их культурного развития, имевшими место в прошлом.

В своем «Отчете о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТССР летом 1927 г.» Н.И. Воробьев специально рассматривает вопрос об этническом происхождении молькеевских кряшен, а также особенностях их материальной культуры. В данном «отчете» высказывается мысль, что проблема формирования кряшенской этнографической общности (и в том числе молькеевских кряшен) чрезвычайно важна в плане изучения этнокультурных процессов на территории Волго-Камского края. Между тем, вопрос о том являются ли кряшены преимущественно потомками отатаренных чувашей, удмуртов, марийцев или же они – потомки «каких-то древних татар, лишь сблизившихся с соседями», исследователь оставляет открытым [8, с.102–103]. Говоря о материальной культуре молькеевских кряшен, автор отмечает ее почти полное сходство с чувашской материальной культурой (группа *анатри*). В то же время, в ней встречаются некоторые черты характерные для традиционной материальной культуры всех групп кряшен [8, с.105–106].

В разделе о волго-уральских татарах, написанном Н.И. Воробьевым и входящем в энциклопедическое издание «Народы Европейской части СССР. Т.II» (Москва, 1964 г., под общей редакцией В.Н. Белицер), кряшены характеризуются как этнографическая группа татар, в некоторой степени воспринявшая русскую культуру. Касаясь вопроса о происхождении кряшенского народа, исследователь, опять же, склонен вести его от некоторых групп татароязычного населения, никогда не исповедовавших ислам, что, в свою очередь, способствовало успешному распространению среди них православия [29, с.636–639].

Некоторые общие вопросы кряшенской этнографии затрагиваются в учебном пособии по народам Урало-Поволжской историко-культурной области («Этнография народов Поволжья. Учебное пособие»), написанном известным отечественным специалистом по упомянутому региону К.И. Козловой. В частности, по мнению К.И. Козловой, вопрос о происхождении кряшен «до сих пор» остается невыясненным. К примеру, традиционный свадебный обряд кряшен по своей типологии наиболее близок к чувашскому свадеб-

ному обряду, а также, отчасти, к марийскому и удмуртскому. Эту особенность, по мнению исследовательницы, нельзя объяснить только различной религиозной принадлежностью кряшен и татар-мусульман [19, с.123].

От себя добавлю, что мнение насчет вопроса о «происхождении кряшен», принадлежащее Клавдии Ивановне Козловой, насколько я лично знаю, отличалось от ряда других известных ныне мнений. Во время учебы в Московском государственном университете (МГУ), на кафедре этнологии, я посещал семинары, которые вела К.И. Козлова. Во время этих семинарских занятий, в которых мне посчастливилось участвовать как студенту-этнологу, К.И. Козлова много рассказывала об этнографии народов Среднего Поволжья: марийцев, мордвы. На одном из семинаров зашла речь и о кряшенах. По утверждению Клавдии Ивановны, кряшены, по большей части, являются потомками русских «полонянников», пленных, которых ордынцы и казанские татары селили у себя, чтобы те возделывали землю и, вообще, трудились на местную власть. А после взятия Казани Иваном Грозным эти потомки русских пленных, якобы, «тут же вернулись» в привычную для них православную веру. Кроме того, ею указывалось на преобладание у кряшен светлого европеоидного типа, присутствие в их традиции многоголосного пения и некоторые другие вещи. В качестве дополнительного аргумента К.И. Козловой приводился довод о крайней редкости фактов перехода верующих мусульман в какую-либо другую религию. Пример тому, опять же, «новокрещеные татары», которые в XVIII в. были разными правдами и неправдами обращены в православие, но при первом же удобном случае тут же возвращались в ислам. В то же время, по словам Клавдии Ивановны, потомки русских «полонянников» сами успели воспринять от населения Казанского ханства много культурных черт: татарский язык, некоторые особенности костюма и т.д.

Конечно, следует признать, что в свете многих современных данных по этнографии и этнической истории кряшенского этнического сообщества вышеприведенная теория К.И. Козловой вряд ли может считаться убедительной, но она заслуживает определенного интереса, поскольку указывает на те специфические особенности формирования историко-культурного облика кряшен, на которые специалистами мало обращалось внимания. К тому же, русско-славянский компонент прослеживается в истории складывания общности «старокрещеных татар» – предков кряшен.

Монография Ю.Г. Мухаметшина «Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры: середина XIX – начало XX веков» посвящена, как и следует из подзаголовка, преимущественно вопросам изучения материальной культуры кряшенского народа. Впрочем, в предисловии автор затрагивает некоторые темы, связанные с этнической идентичностью и историческим происхождением кряшен. Касаясь проблемы конфессиональной идентичности предков современных кряшен, автор склоняется к мысли, что влияние мусульманской религии в их среде могло быть совсем незначительным [28, с.25]. Таким образом, исследование материальной культуры в данной монографии органично дополняется сведениями об этноконфессиональной идентичности и общей характеристикой традиционной культуры кряшен.

Большой интерес в плане изучения традиционной культуры, а также (косвенно) этнической и конфессиональной идентичности кряшенского народа представляет собой монография Ф.С. Баязитовой «Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении». В книге рассматривается следующая проблематика: отражение в лексике кряшенских говоров таких категорий как особенности материальной культуры, термины народных обрядов и верований, термины родства и др. Кроме того, специальный раздел посвящен иноязычным (иранским, арабским) заимствованиям в языке различных этнографических групп кряшен.

Кроме того, в монографии делается предположение, что формирование заказанской локально-этнографической группы кряшен может быть связано с некоторыми болгарскими племенами (*берсула*, *темтюзи*), из чего делается вывод об особой «древности» данной группы кряшен [3, с.17]. В то же время на примере терминов традиционной народной обрядности показывается тесная культурная связь кряшен с соседними поволжскими народами: чувашами, марийцами, удмуртами. При этом подчеркиваются древнетюркские корни этих терминов. Упомянутая особенность кряшенской лексики, связанной с их духовной и, отчасти, материальной культурой, как неоднократно утверждает автор, говорит о наличии в ней заметного архаического пласта. Это, в свою очередь, свидетельствует об архаичности многих черт традиционной культуры кряшен, очень незначительно затронутой влиянием ислама. Данная особенность кряшенской культуры, согласно данным, приводимым в монографии, была тесно связана с этнической и конфессиональной идентич-

ностью представителей рассматриваемой общности. Во многом благодаря этой культурной особенности кряшены («старокрещенные») сохранили свою самобытность и не ассимилировались среди татар-мусульман, «отпав» в ислам [3, с.11].

В свою очередь, такой видный специалист по исторической этнографии Волго-Камского региона как Р.Г. Кузеев склонен рассматривать кряшенскую этноконфессиональную «ЭГ» (этническую группу) как возникшую в результате обращения татар-мусульман в христианство в XVI–XVIII вв. [21, с.263] По его мнению, если западные группы кряшен «вобрали» в свой состав христианизированных угро-финнов и чувашей, то восточные группы включили потомков крещеных башкир, калмыков, астраханских и сибирских татар, выходцев из Средней Азии [21, с.265]. Между тем, остается открытым вопрос, кем были эти «крещенные мусульмане». Вполне возможно, что они действительно были потомками угро-финнов и чувашей, которые, став мусульманами, одновременно приняли и новую «татарскую» идентичность, а позже, после крещения, сменили ее на «кряшенскую». Как известно, здесь (в Среднем Поволжье) татарская идентичность всегда соответствовала мусульманской вере. Переход в ислам, как правило, означал быструю «татаризацию» новообращенных, или же оба этих процесса шли параллельно. В то же время нельзя исключать участие в формировании «западных» групп кряшен и других этнических компонентов, например, русско-славянских. К тому же пока трудно утверждать, действительно ли, скажем, бакалинские кряшены существенно отличаются особенностями своего этнического формирования от более западных групп кряшен (восточно-закамских и некоторых других).

Наиболее основательная попытка рассмотрения культуры кряшен в общем контексте культурного комплекса волго-уральских татар принадлежит известному этнографу-татароведу Д.М. Исакову. Кроме того, Д.М. Исаков разработал свою схему этнической классификации кряшен, как части татарской этнолингвистической общности. Несомненно, в этой попытке дать подобную классификационную схему отразилось влияние советской теории этноса Ю.В. Бромлея, для которой характерно стремление к конструированию специфической иерархии тех или иных этнических общностей. Так, например, согласно упомянутой теории, ЭСО (этно-социальный организм), по идее, может включать в себя этнические, этнографические, локальные группы.

В разделе монографии «Этнографические группы татар Волгоуральского региона», посвященном кряшенам («Этнографические группы в составе субконфессиональной общности кряшен») Д.М. Исхаковым прежде всего выдвигается тезис об отсутствии самостоятельного кряшенского варианта культуры. «В конечном итоге, специфика культуры кряшен объясняется в основном именно сочетанием тюркских (в т.ч. архаичных), финно-угорских и русско-православных черт, выступающих в интегрированном виде», – пишет исследователь [9, с.119]. Впрочем, тут можно отметить, что культура любого народа представляет собой синтез иногда довольно разнородных традиций и выявить в ней какие-либо абсолютно эндемичные элементы, бывает очень непросто. И культура кряшен в этом отношении, по-видимому, не представляет исключения.

Подобласть расселения молькеевских кряшен трактуется автором как наиболее смешанная в культурном плане в пределах ареала расселения волго-уральских татар. Это связано, в первую очередь, с сильным чувашским влиянием, а также наличием мишарского компонента в их этнографическом комплексе (близкий к мишарскому говор). В свою очередь кряшены Заказанья относятся к казанско-татарской этнографической группе и генетически родственны татарам-мусульманам, считает Д.М. Исхаков [9, с.133]. В общей сложности, «субконфессиональная» общность кряшен делится на пять этнографических групп: 1) казанско-татарская; 2) елабужская; 3) молькеевская; 4) чистопольская; 5) нагайбакская. Молькеевские кряшены рассматриваются исследователем как группа типологически близкая, в силу особенностей своего исторического формирования, к «первичным» («генетическим») этнографическим образованиям, таким как казанские татары, татары-мишари [9, с.140].

Между тем, в другой своей публикации на ту же тему (раздел в сборнике-атласе «Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования») Д.М. Исхаков в качестве самостоятельных этнографических групп рассматривает только молькеевских кряшен и нагайбаков [44, с.134]. В предыдущей, рассмотренной нами выше, работе Д.М. Исхакова как самостоятельная этнографическая группа выступают также и елабужские кряшены. Кроме того, взгляд на *нагайбаков* как этнографическую группу в составе некой «субконфессиональной» общности» в настоящее время вряд ли «актуален» т.к. во время всероссийской переписи 2002 г. они заявили о себе как об отдельном коренном малочисленном народе. Не

совсем понятно и то, почему молькеевские кряшены рассматриваются как некое первичное, «генетическое» этническое образование, а кряшены Заказанья «генетически» едины с казанскими татарами. Ведь именно у заказанских кряшен в настоящее время, наиболее четко проявляется специфическая «кряшенская идентичность», о чем свидетельствуют некоторые другие современные исследования, о которых будет говориться ниже. Кроме того, заказанские кряшены считаются наиболее «древней» из всех локально-этнографических групп кряшенского народа, о чем в свою очередь писала Ф.С. Баязитова. Что же касается вопроса о «генетическом» происхождении далеких этнических предков тех и других, то здесь пока слишком много неясного и противоречивого по причине скудности исторических источников.

Не совсем понятен также и термин «субконфессиональная общность» применительно к кряшенам. Скорее здесь более применим и понятен термин этноконфессиональная группа, о чем пишет в своем исследовании С.В. Соколовский [32, с.28].

В этой связи следует отметить, что в статье о кряшенах, написанной Д.М. Исхаковым для энциклопедии «Народы России» (под общей редакцией В.А. Тишкова) кряшены обозначаются как этноконфессиональная группа. Кроме того, в данной статье автор выделяет уже не пять, а семь этнографических групп: казанско-татарская группа кряшен делится здесь на западно-предкамскую, мензелинскую и бакалинскую [30, с.210–212].

Коллективная монография «Татары» из серии под редакцией Р.К. Уразмановой и С.В. Чешко из серии «Народы и культуры» содержит главу «Татарская этническая общность», написанную также Д.М. Исхаковым, в которой содержится попытка определить место кряшен в составе этнографических и этнотерриториальных групп татарской нации. В целом, содержание данной главы аналогично тому, что нам известно из вышеприведенных работ Д.М. Исхакова: кряшены являются «субконфессиональной общностью», делящейся на пять этнографических групп, относящихся частью к «мишарскому», частью к «казанско-татарскому» культурным ареалам [35, с.21–22].

В указанной коллективной монографии сведения по материальной культуре кряшен (особенно по традиционному костюму) изложены достаточно полно. С другой стороны, праздничной обрядности и обрядам жизненного цикла, характерным для кряшен, уделено мало места, сведения о них фрагментарны. Сведения о народных рели-

гиозных верованиях кряшен практически отсутствуют. В главе «Религия» (автор – Р.М. Мухаметшин) несколько строк уделено теме возрождения православия у кряшен в 1990-е гг. и роли в этом процессе кряшенской интеллигенции [35, с.436]. Но, опять же, ничего не говорится и о проблеме исторического формирования культурного облика кряшенского народа и его вероятных этнических предках. Воспроизводится версия о «насильственном крещении» предков кряшен в XVI в. после завоевания Казанского ханства. Кроме того, остается впечатление, что «старокрещенные» и «новокрещенные» кряшены представляются в качестве единого целого. Между тем, хорошо известно об их культурном различии, связанном с разной степенью укорененности ислама в быту и самосознании тех и других. Этот фактор, в свою очередь, предопределил массовое возвращение в мусульманскую веру подавляющего большинства «новокрещенных» в начале XX столетия. Вопрос о кряшенской этноконфессиональной идентичности в современный период так же остался не затронутым.

Некоторые проблемы формирования этнической идентичности одной из наиболее своеобразных по своему культурному облику локальных групп кряшен рассматриваются в коллективной монографии «Молькеевские кряшены» (Казань, 1993 г., под редакцией Д.М. Исхакова). В целом, авторами данной монографии преследуется цель представить читателю наиболее полную картину как духовной, так и материальной культуры названной локально-этнографической группы. В статье, принадлежащей перу Д.М. Исхакова «Молькеевские кряшены: проблема формирования и демографическое развитие в XVIII – начале XX вв.», исследуется происхождение и характер этнических компонентов, составивших группу молькеевских кряшен. На этом фоне рассматриваются и особенности этноконфессионального самосознания, присущие представителям данной группы кряшен в указанный временной период. Как указывает автор, в прошлом для молькеевских кряшен было характерно довольно размытое этническое самосознание: часть из них называла себя «чувашами», часть – просто «крещеными». С другой стороны, подчеркивается, что в настоящее время молькеевские кряшены являются частью татарской этнической общности [25, с.4–16].

Кроме того, в монографии уделено место таким темам как особенности традиционной материальной культуры молькеевских кряшен; календарные обряды и комплекс похоронно-поминальных

обычаев; фольклорная песенная традиция; народные верования в свете диалектных особенностей языка. На примере материалов по всей вышеперечисленной тематике показано, что формирование культурного облика данной этнографической группы кряшен отличалось заметной разнородностью и сложностью состава (чувашские, угро-финские этнические компоненты). В то же время выявляются и некоторые особенно архаичные черты тюрко-татарской культуры, сохранившиеся у молькеевских кряшен. Согласно данным монографии, история формирования этнографической общности молькеевских кряшен в значительной степени отличается от истории формирования других этнографических групп кряшен. Наиболее существенным моментом здесь является то, что местное население, в отличие от «старокрещеных» кряшен, приняло христианство только в XVIII в., а до того времени, в основном, придерживалось ислама или находилось под сильным его влиянием. Воспоминания об этом сохранилось и в народной памяти [25, с.5].

Отдельные вопросы этнографии молькеевских кряшен еще раньше затрагивались в статье Е.Н. Котова и Л.М. Лойко «Некоторые черты быта молькеевских кряшен и восточных марийцев», опубликованной в сборнике «Субэтноты в СССР» (Ленинград, 1986 г., ответственный редактор А.В. Коновалов). В данной статье молькеевские кряшены рассматриваются как своеобразная субэтническая группа татарского народа, обладающая рядом самобытных черт в традиционной культуре [20, с.60–69].

Традиционные праздничные обряды кряшен в общем контексте традиционной календарной обрядности татар Поволжья и Урала как комплексное явление рассматриваются в монографии Р.К. Уразмановой «Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл XIX – нач. XX вв.)». В целом, по мнению исследовательницы, календарные обряды и праздники кряшен относятся к казанско-татарскому обрядово-праздничному комплексу (имеются в виду народные татарские традиции, не связанные с мусульманской религией) [36, с.118]. Только у кряшен время проведения праздников приурочено к датам христианского календаря (Пасхе, Троице, Петрову дню, Рождеству). К тому же, как пишет Р.К. Уразманова, формы проведения названных праздников во многом были аналогичны тем, которые имели место у казанских татар. Имелись аналогии с соответствующими традициями других народов Волго-Камья, например, бесермян [36, с.56]. В заключении автором делается вывод, что, не-

смотря на множество элементов «народного православия» (русское и угро-финское влияние), для общественных обрядов и праздников кряшен были характерны те же основные элементы праздничной культуры, которые являются этнически специфическими для казанских татар [37, с.121].

Между тем, в статье-разделе «Особенности традиций народных праздников татар Среднего Поволжья» (сборник «Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья»; Казань, 1991 г., ответственный редактор Р.К. Уразманова) Р.К. Уразманова характеризует комплекс праздничных обрядов кряшен как стоящий особняком, хотя и имеющий определенное сходство с казанско-татарским комплексом календарной обрядности [37, с.96].

Последняя точка зрения представляется более справедливой, если исходить из общих данных по традиционной праздничной обрядности других народов региона: чувашей, марийцев, удмуртов. Это, в свою очередь связано с тем, что традиционный народный праздничный календарь у всех народов Среднего Поволжья (как историко-культурной области) имеет, в основе своей, общую структуру. При этом даже сами названия этих праздников имеют общие и у тюркоязычных и у финно-угорских народов края общие лингвистические корни, о чем свидетельствуют материалы, приведенные в упоминавшейся здесь монографии Ф.С. Баязитовой [3, с.11]. Так, например, такие традиционные для кряшен праздники как *Нардуган*, *Симек* не отмечаются у казанских татар, зато есть у соседних чувашей, марийцев, удмуртов [36, с.100]. Такие праздники как Пасха, Троица, Рождество в наибольшей мере сближают кряшен с православным русским населением края. Очевидно, что наиважнейшую роль в сближении празднично-обрядовой культуры кряшен с традициями христианских народов Урало-Поволжья играл именно профессиональный фактор.

В свою очередь, о сходстве обрядовых напевов некоторых групп кряшен и соседних с ними удмуртов и марийцев пишет Н.Нуриева в своей статье «Этнокультурные параллели в системе народного календаря финно-угров и крещеных татар (кряшен)». Несмотря на то, что кряшены, марийцы и удмурты исповедуют общую религию и справляют одни праздники (Петров день, Семик и др.) кряшены соблюдают здесь (низовья Вятки) брачную обособленность, в чем, видимо, выражается их особая идентичность (данные за 1992 г.) [31, с.90].

В статье Н.Ю. Альмеевой «Календарное пение татар-кряшен и его роль в этнокультурологических реконструкциях» содержится попытка по-новому взглянуть на проблему формирования кряшенской общности, опираясь, в данном случае, на некоторые фольклорные материалы. В частности, подчеркивается непохожесть календарных напевов кряшен на татаро-башкирские календарные напевы. Первые представляют собой более архаичное явление народной культуры, имеющее типологические параллели в культурах ряда других народов Евразии (к сожалению, автор не поясняет здесь каких именно) [1, с.187–189].

Другой малоисследованной стороны традиционной духовной культуры кряшен касается в своей статье «Почитаемые места кряшен», опубликованной в журнале «Живая старина» (№3 за 2002 г.), этнограф и фольклорист С.В. Кучепатова. Исследователем рассматриваются такие почитаемые кряшенами сакральные объекты как столбы-багана и столбы-кресты, известные у кряшен под общим названием «часовников» (следует пояснить, что статья основывается на полевых материалах автора, собранных среди кряшенского населения Мамадышского и Елабужского районов Республики Татарстан). В связи с вопросом о происхождении «часовников» (иначе говоря, часовен), выдвигается тезис о значительном влиянии старообрядчества на религиозные представления местных кряшен, поскольку в названных районах имелись поселения староверов, среди которых было характерно почитание своих «раскольничьих» часовен. В связи с этим, упоминается, что среди кряшен в прошлом встречалось даже двуперстное крестное знамение [22, с.27]. Показана и взаимосвязь традиции почитания часовен с языческими верованиями кряшен, такими, например, как культ кереметей [22, с.29]. От себя добавлю, что описываемые в данной статье сакральные объекты полностью аналогичны тем, которые пользуются почитанием у кряшен Пестречинского района Республики Татарстан. По всей видимости, традиционные верования заказанских кряшен отличаются значительной однородностью, несмотря на известную территориальную разбросанность их локальных групп. Возможно, это говорит о том, что группа заказанских кряшен сформировалась в пределах общей компактной территории.

Вопроса о происхождении кряшен и их современной этноконфессиональной идентичности в своей статье научно-популярного характера «Кто такие кряшены?» в журнале «Азия и Африка сегодня»

(№12 за 2004 г.) касается Ан.И. Иванов. Он склонен рассматривать кряшен скорее, как отдельный от татар народ, отличающийся, по его мнению, высоким уровнем внутригрупповой этнической консолидации [12, с.50]. Подчеркивается, что для кряшен особенно важна их религиозная идентичность. Кроме того, высказывается сомнение в насильственном крещении предков нынешних кряшен. Вопрос об этнических предках кряшенского народа автор скорее оставляет открытым, указывая, между тем, что ни «крещеные», ни «новокрещеные» татары никогда не именовали себя кряшенами. Упомянув о примерах локальной идентичности кряшен, автор в качестве примера подобной идентичности приводит самоназвание одной из таких локально-этнографических групп – «молькеевцы» [12, с.54]. Между тем, мои собственные полевые материалы скорее заставляют усомниться в наличии подобной локальной идентичности у самих представителей данной группы (т.н. молькеевские кряшены).

Сомнение вызывает также утверждение автора об особом сходстве кряшенского традиционного костюма с костюмом обских угров [12, с.51]. Между тем, если касаться здесь вопроса о более широких параллелях традиционной культуры кряшен с культурами других народов Евразии, то можно, естественно, с осторожностью отметить также некоторое сходство костюмного комплекса кряшен с традиционным костюмом абаканских тюрок (хакасов). Впрочем, причины такого сходства пока, насколько нам известно, никто не исследовал, и поэтому о нем трудно сказать что-либо конкретное.

Во многом мнения близкого к точке зрения Ан.И. Иванова по поводу исторического происхождения кряшенского народа придерживается историк Л.Таймасов, современный специалист по народам Волго-Уральского региона. Он приводит в своей статье «Этноконфессиональная ситуация в Казанской губернии накануне буржуазных реформ» (раздел «Крещеные татары») две версии аналогичные вышеприведенным версиям Н.И. Воробьева, а также Ан.Иванова. Мнение, согласно которому кряшены («старокрещеные татары») – успевшие забыть ислам татары, данный автор считает несостоятельным [34, с.129]. В этом плане «старокрещеные» противопоставляются «новокрещеным татарам», которые единственные из всех местных христианизированных этнических групп совершенно не усвоили православного вероучения и соответствующей ему обрядности.

Версии о языческом прошлом «старокрещеных татар» придерживается и А.Н. Кефели-Клайн в своей статье «Народный ислам у

православных татар в XIX в.», сравнивающий религиозную традицию у «старокрещеных» (кряшен) и «новокрещеных» татар. Подчеркивая особую идентичность «старокрещеных», автор на конкретных примерах показывает, что и для кряшен и для татар-мусульман были характерны некоторые общие народные культы (например, почитание святых мусульманских могил) [23, с.553–554].

Немало сведений о традиционном костюмном комплексе различных этнографических групп кряшен содержится в монографии С.В. Суловой и Р.Г. Мухамедовой «Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.)», представляющей собой подробный историко-этнографический атлас, с многочисленными картами и иллюстрациями [33]. Общая типология разновидностей традиционного костюма, характерного для кряшен разрабатывается и исследуется авторами в контексте всего комплекса традиционной одежды основных этнографических (субэтнических) групп татар данного региона. При этом подчеркивается особая архаичность и консервативность кряшенского народного костюма, что, по справедливому мнению авторов, было связано с конфессиональной обособленностью данной этнографической общности от татарско-мусульманского населения. В то же время указывается и на влияние русской культуры, которое испытал на себе костюмный комплекс кряшен [33, с.12]. Авторы выделяют в нем четыре основных разновидности (комплекса): 1) заказанско-западно-закамский; 2) елабужский; 3) молькеевский; 4) нагайбакский. На этом основании можно предположить, что в целом названные костюмные комплексы так или иначе соответствуют «основным» этнографическим группам кряшен [33, с.184–186].

Специально тема традиционного костюма кряшен рассматривается в монографии Р.Г. Мухамедовой «Народный костюм татар-кряшен», написанной на двух языках (русском и татарском). В предисловии к основному тексту автор делит кряшен на две этнокультурных «подобности»: 1) заказанские, закамские, башкортостанские, челябинские кряшены (*нагайбаки*); 2) молькеевские кряшены. Первую «подобность» автор склонна рассматривать как этнографические группы казанских татар. Вторые, по ее мнению, – ближе к мишарям. Кроме того, в книге Р.Г. Мухамедовой воспроизводится версия о принудительном крещении татар в XVI в. как причине появления кряшенской этноконфессиональной общности [27, с.30]. Затрагивая вопрос об этническом самосознании кряшен в настоящее

время, исследовательница утверждает, что ныне (согласно переписи 2002 г.) якобы лишь 35 тысяч из всей общности (включая нагайбаков) называют себя непосредственно «кряшенами».

Обобщая весь материал, связанный с традиционным костюмным комплексом кряшенского народа и приводимый в данной монографии следует сделать следующий вывод: историю и саму этническую специфику упомянутого костюмного комплекса невозможно рассматривать вне контекста развития материальной культуры других народов Волго-Уральского региона

Между тем, усилившийся к началу Всероссийской переписи населения 2002 г. интерес специалистов к этнографии и истории кряшен способствовал активизации исследовательской деятельности в этом направлении и среди самих представителей кряшенской интеллигенции. Так, в 2000 г. в Казани состоялась научно-практическая конференция на тему «Этнические и конфессиональные традиции кряшен: история и современность». Материалы конференции были опубликованы в виде отдельного сборника (см. «Материалы научной конференции на тему этнические и конфессиональные традиции кряшен: история и современность»; Казань, 2001 г.). Особо следует отметить здесь доклад исследователя-фольклориста и музыковеда Г.М. Макарова «Перспективы развития традиционной культуры кряшен в современных условиях». Касаясь вопроса об истории формирования кряшенской общности, Г.М. Макаров считает, что, нет достаточных оснований видеть в кряшенах прямых потомков тюрок-христиан Булгарского ханства и Золотой Орды. Начало истории кряшен, по всей видимости, начинается с крещения части тюркоязычного населения Казанского ханства в XVI столетии. Среди предков современных кряшен могли быть и мусульмане, считает Г.Е. Макаров [24, с.23].

Говоря о современных этнокультурных проблемах кряшен, исследователь возражает против искусственного разделения кряшен и татар-мусульман только по причине их религиозных различий. Предотвратить такое разделение может, прежде всего, более толерантное и взвешенное отношение к кряшенам со стороны республиканских средств массовой информации (СМИ), общественных и религиозных деятелей, признание их этнокультурной и религиозной самобытности. Все перечисленное имеет немаловажное значение для всей татарской культуры, ее исторического наследия, ведь именно

кряшены сохранили ее наиболее древние, архаичные пласты, подчеркивает Г.М. Макаров [24, с.39–41].

О некоторых моментах этнополитического развития кряшенского народа после февраля 1917 г. и в первые годы советской власти повествуется в докладе Р.Ю. Белякова «Кряшенский вопрос» в Демократической и Советской России (1917–1925 гг.)» [4]. Доклад Г.Б. Усачевой «Некоторые родильные обряды кряшен» [38] содержит описание одного интересного семейного обряда, обнаруживающего параллели в культуре многих народов Восточной Европы.

Как пример монографии, написанной с конструктивистских позиций, можно привести работу отечественного этнолога С.В. Соколовского «Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года» (Москва, 2004). В монографии рассматриваются такие проблемы как общетеоретические основания классификации этнических, этноконфессиональных, локально-этнографических, локально-диалектных групп; соотношение теорий этногенеза и этнического самосознания; политическая институализация этничности; особенности научного дискурса в условиях постсоветской действительности. В контексте всей вышеперечисленной проблематики в монографии рассматривается сама «кряшенская проблема», наиболее выпукло проявившаяся во время переписи населения, и проблема этнической идентичности собственно кряшен как народа.

В монографии прослеживается отказ от жесткой «административной» привязки отдельных этнографических (этноконфессиональных) групп к более крупным этническим сообществам и делается упор скорее на самоидентификацию представителей подобных групп. В частности, вопрос о национальном самоопределении кряшен рассматривается автором с позиций их собственного выбора в пользу особой, «кряшенской» идентичности. Приводятся факты исторической оправданности такого самоопределения, в частности, упоминается перепись населения СССР 1926 г., когда кряшены были учтены в качестве отдельной категории [32, с.61–68].

Кроме того, автором проводится критика самого научного (и, в том числе, паранаучного) дискурса, сложившегося вокруг кряшенской проблемы в Татарстане. С одной стороны, показывается использование определенных (довольно однобоких) аргументов представителями республиканской элиты в политических целях, с другой – нарочитое стремление некоторых активистов кряшенского движе-

ния к созданию этнополитических мифов, неправомерно удревняющих историю кряшен [32, с.14–17].

Таким образом, автор рассматривает формирование этнической идентичности кряшен, а также сложившийся вокруг вопроса об их самоопределении научный и общественный дискурс с позиций конструктивистской теории, сравнительно недавно получившей распространение в отечественной этнологической науке.

В книге содержится также текст служебной записки А.Д. Коростелева по итогам командировки в Татарстан в феврале 2002 г., связанной с вопросами статистического учета кряшен. Служебная записка включает перечень требований и пожеланий, высказанных представителями кряшенской общественности. Сформулированы основные выводы в отношении «кряшенского вопроса». Приводятся данные о численности кряшен по данным переписи 1926 г., о национальном составе населения двух районов и двух городов Татарской АССР в 1989 г. (когда кряшены не учитывались как отдельная категория) и сделан приблизительный прогноз численности кряшен в 1989 г. [32, с.213–229]

Большой интерес для кряшеноведения представляет собой статья казанского фольклориста и музыковеда Г.М. Макарова «Тамги кряшен», посвященная практически неисследованной области этнографии данного этнического сообщества и включенная в коллективную монографию «История и культура татар-кряшен XVI–XX вв.» [14, с.734–738]. В статье рассматриваются различные обычаи кряшен, связанные с применением тамг, «родовых знаков», в прошлом широко распространенных в быту самых разных этнических групп Урало-Поволжского региона. Г.М. Макаров приводит целые списки тамг, принадлежавших различным кряшенским родовым группам, проживавшим в тех или иных «крещенских» селениях в пределах Республики Татарстан. Поскольку данный материал собирался с конца 70-х гг. XX в. по 2001 г., списки родовых тамг, распространенных в упоминаемых в статье селениях, по понятным причинам являются неполными. Между тем, собранные данные могут дать интересный материал для дальнейшего изучения как этнической истории, так и традиционной культуры кряшен Татарстана.

Попыткой создания библиографического сборника-указателя по кряшенской историко-этнографической тематике является публикация профессора Казанской государственной Академии культуры и искусства Т.Г. Дунаевой «Кряшеноведение» (Казань, 2008). В сбор-

нике с наиболее возможной (в данном случае) полнотой отражена литература по различным аспектам кряшеноведения, сгруппированная по десяти тематическим разделам. Содержание этих разделов затрагивает проблемы этнической истории, лингвистики, музыкального фольклора, особенностей материальной культуры, религиозных традиций, народного образования, национальной периодической печати кряшен. Многие разделы предваряются выдержками из статей и монографий известных исследователей этнографии и истории кряшенской этнической общности, в частности, историков и этнографов Н.И. Воробьева, Д.М. Исхакова, Ю.Г. Мухаметшина; лингвиста Ф.С. Баязитовой, музыковеда Н.Ю. Альмеевой. Приводятся также отдельные части из публикаций журналиста и краеведа-энтузиаста М.Глухова, содержащие, впрочем, весьма спорные с точки зрения строгой исторической науки выводы и положения.

В заключительной главе книги, посвященной современному положению и перспективам развития кряшенской этноконфессиональной общности в Республике Татарстан, автор характеризует кряшен как своего рода «народ в народе» (по образному выражению М.Глухова) [10, с.264]. Будучи генетически и политически тесно связанными с татарской нацией, кряшены в то же время обладают яркой культурно-исторической самобытностью. Такого рода отличительность, как подчеркивает Т.Дунаева, должна быть признана республиканской общественностью в качестве неотъемлемой составляющей культурно-исторического наследия всего татарского «суперэтноса». Для этого, по ее словам, необходимо «перестать ставить знак равенства между татарами и мусульманами, признать поликонфессиональность татарской нации» [10, с.264]. Соглашаясь, с тем, что реальных доказательств, подтверждающих происхождение кряшен от древних тюрок-несториан не существует, Т.Дунаева в то же время не может согласиться с тем, что связи между ними вообще не имеется. Ведь отсутствие этой связи, пишет автор, «также никем не доказано» [10, с.261]. Таким образом, можно сделать вывод, что вопрос древности своих этнических корней остается достаточно важным для представителей современного кряшенского движения. В то же время здесь явно проявляется стремление (во всяком случае, части кряшенской общественности) быть признанными в качестве «полноправной» составляющей современной татарской нации («суперэтноса»).

Близким по своей проблематике вопросам посвящена статья этнографа и краеведа В.М. Викторина «Проблемы этнокультурной специфики кряшен и нагайбаков в общественно-политических дискуссиях рубежа XX–XXI вв.». Исследователь справедливо выделяет конфессиональную принадлежность кряшен в качестве главного фактора обособления кряшен от татарского этнолингвистического массива [5, с.21]. Кроме того, в статье рассматриваются основные этапы развития кряшенского национально-культурного движения, которому, как отмечает В.М. Викторин, в начале 1990-х гг. задало импульс именно нагайбакское движение за этническое самоопределение [5, с.25]. Само кряшенское движение, как подчеркивает исследователь, имеет все основания быть, и сама татарская этнолингвистическая общность может считаться поликонфессиональной по своему характеру. Впрочем, концепция «этноса кряшен» едва ли снискала значительный успех, и правомернее было бы принять модель «внутреннего меньшинства» татарской этнолингвистической общности – делает вывод В.М. Викторин [5, с.41–42].

В настоящее время изучением этнографии и, в частности, народной религиозности кряшен занимается, опираясь, в том числе, и на собственные полевые материалы, историк-религиовед Е.Баркарь. В частности, его авторству принадлежит статья «Кряшены и их народная религиозность» [2, с.54–69], где соответствующие традиции кряшен описываются в религиоведческом ключе. Очевидно, что исследователя здесь интересуют, прежде всего, специфические кряшенские верования, переплетающиеся с православными обрядами, различные пережитки дохристианских верований. При этом рассматриваются эти явления в основном на материалах современных полевых наблюдений автора.

Вопросами кряшеноведения, в частности аспектами их этноконфессиональной идентичности в настоящее время занимается сотрудник (ныне заведующий) кафедры этнологии МГУ, доктор исторических наук О.Е. Казьмина. В своей книге «Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России» О.Е. Казьмина рассматривает вопрос этнического самоопределения кряшен, а также значение их православного вероисповедания в названных процессах [18]. Опираясь на результаты полевых наблюдений (опросы респондентов-кряшен в ряде сел и деревень Республики Татарстан в 2001 г.), исследователь делает выводы о наличии у кряшенского населения этих мест особого этнического самосознания, выраженного

достаточно четко. При этом подчеркивается, что у более религиозных представителей кряшенского народа подобное специфическое этническое самосознание проявляется сильнее [18, с.153]. В целом, касаясь этой проблемы, исследователь делает вывод, что кряшены осознают себя особой этнической общностью и в их этнической идентичности религиозный фактор играет очень большую роль [18, с.157–158]. Кроме того, автор обращает внимание на факты административных нарушений и косвенного давления на кряшенское население во время Всероссийской переписи 2002 г., имевшие место в Республике Татарстан [18, с.159].

Проблематика исторического формирования и самоопределения кряшен отчасти затрагивается в монографии казанского историка и этнолога-кряшеноведа Р.Р. Исхакова «Миссионерство и мусульмане Волго-Камья. Последняя треть XVIII – нач. XX вв.» (Казань, 2011). Несмотря на то, что основное внимание автора сосредоточено на сложных взаимоотношениях татарско-мусульманского населения региона и представителей православной миссии, опиравшихся на поддержку российского самодержавия, определенное внимание уделяется, в том числе, и «старокрещеным татарам» (т.е. кряшенам). В частности, автор указывает на то, что именно миссионерская деятельность Н.И. Ильминского способствовала появлению у крещеных татар (кряшен) собственной интеллигенции и росту их этноконфессионального самосознания. Благодаря этим процессам примерно начиная с 80-х гг. XIX в. термин «кряшен» все чаще стал использоваться в качестве этнонима [16, с.155]. В то же время, в исследовании на конкретных примерах подтверждается факт «отпадения» в ислам и части «старокрещеных татар» в 1860–1870 гг. после Великих реформ. В целом, несмотря на то, что данная работа Р.Исхакова не посвящена непосредственно этнической истории кряшен как таковых, в ней обстоятельно рассматриваются такие аспекты данной проблематики как влияние миссионерства и, соответственно, государственной политики того времени на формирование кряшенской этноконфессиональной идентичности.

Непосредственно кряшенской проблематике посвящена монография Р.Р. Исхакова «Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX – нач. XX вв.)» (Казань, 2014). В данном исследовании рассматриваются следующие вопросы: характер дохристианских верований кряшен, особенности миссионерской деятельности Братства св. Гурия в кряшенской среде, усвоение кря-

шенами православной религиозной традиции и влияние этого процесса на их этническое самосознание и культуру, причины отпадения части кряшен в ислам, а также некоторые особенности общественного быта и народного правосознания кряшенского крестьянства. Анализ народных верований «старокрещеных татар» (кряшен) с точки зрения этнографии, предпринятый автором в настоящем исследовании, позволяет сделать вывод о языческом характере их религиозных воззрений. Такие мировые религии как ислам и христианство оказали на них лишь поверхностное влияние. Тем не менее автор склонен обозначать систему верований кряшен как пример «религиозного синкретизма». Переломным моментом в истории кряшенского сообщества Р.Исхаков считает создание Н.И. Ильминским «крещено-татарской» азбуки и появление первых книг на родном языке. Главным следствием этого, как показывает исследователь, было окончательное обособление «старокрещеных» в особую этническую общность и формирование у ее представителей особого кряшенского самосознания [17, с.57–58]. Отсюда, видимо, их устойчивость (в подавляющем большинстве) к «отпадениям» от православия в ислам, охватившем крещеных татар (и, отчасти, чувашей) во время событий 1905 г.

В целом данная монография, основанная на многочисленных архивных источниках и специальной научной литературе, представляет собой значительный вклад в исследование этнической истории и традиционной духовной культуры кряшен рассматриваемого периода.

Своего рода итоговым на настоящий момент научным трудом, претендующим на всеохватное описание традиционной культуры и этнической истории кряшен, можно считать коллективную монографию «История и культура татар-кряшен. XVI–XX вв.» (Казань, 2017 г.; главные редакторы монографии – Р.С. Хакимов, Р.Р. Исхаков). Издание было подготовлено центром изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков при Институте истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан. В монографии подробно рассмотрены этапы этнической истории кряшен, много говорится о миссионерской деятельности в их среде, излагаются особенности дохристианских («языческих») верований «крещенцев», традиционных кряшенских праздников; есть раздел, посвященный устройству кряшенской сельской общины дореволюционного периода, а также раздел о народной музыкальной культуре

кряшен. Особая глава монографии посвящена описанию традиционной материальной культуры кряшен в том виде, который она приобрела к XIX – началу XX вв. Отдельная глава уделена этносоциальной истории кряшен в XX веке. В этой же главе имеется небольшой раздел, где рассматривается история общественного кряшенского движения на рубеже XX и XXI вв. Основной массив текста монографии основан на исследованиях и материалах, принадлежащих перу Ф.С. Баязитовой, Р.Р. Исхакова, Д.М. Исхакова, Н.Ю. Альмеевой, Г.М. Макарова, Ю.Г. Мухаметшина и ранее опубликованных ими в виде отдельных книг и статей и по большей части уже упомянутых мной в данном разделе.

Касааясь остродискуссионного и весьма политизированного вопроса о происхождении и этнической истории кряшен, авторы монографии, опираясь на данные оригинальных исторических источников (прежде всего – письменных) приходят к выводу, что основными предками кряшен следует считать «служилых татар» и, отчасти, ногайцев, принявших крещение вскоре после покорения Казанского ханства Иваном IV. Гипотезы о происхождении кряшен от древних тюрок-несториан или болгарских средневековых христиан признаются в данном случае неподтвержденными и не имеющими под собой научно обоснованных доказательств [14, с.190–191]. Впрочем, признается изначальная этническая разнородность сообщества «новокрещенов» XVI столетия, из которого и сформировались кряшены в качестве особой этноконфессиональной группы. Характерно, что в монографии не муссируется и не эксплуатируется во многом политизированный тезис о «насильственном крещении» предков кряшен «московскими завоевателями». Напротив, признается преимущественно мирный характер принятия православия частью татароязычного населения Казанского ханства в XVI–XVII вв. Кроме того, подчеркивается, что на их выбор веры не могло не повлиять изменение общей конъюнктуры после смены политической власти в этом регионе [14, с.196–197].

Определенные споры вызвало и само название этой монографии, в котором присутствует во многом противоречивый термин «татары-кряшены». Для части кряшенской общественности с активной позицией, этот термин представляется неприемлемым в силу неприятия ими идеи о кряшенах как «субэтноте» в составе татарского народа. В то же время, говоря о кряшенах как о части современной татарской нации, авторы сами, рассматривая вехи этнической

истории кряшен, признают факт формирования особой кряшенской «этнической общности» со своими культурными особенностями и особым «кряшенским» самосознанием.

В монографии не рассматривается проблема современной этнической и этноконфессиональной идентичности кряшен, вопросы современной народной религиозности и ее проявлений, характерные для кряшенского сообщества на нынешнем этапе его существования. Истории постсоветского движения кряшен за этническое самоопределение и самобытность в книге уделено мало места и говорится об этом скорее вскользь и без попытки более или менее глубокого анализа этого этносоциального течения. В книге отсутствует раздел, где специально освещались бы традиционные обряды жизненного цикла, характерные для кряшенской народной культуры.

В целом, данная монография представляет собой наиболее фундаментальное и многостороннее исследование этнической истории, духовной и материальной культуры кряшен, вобравшее в себя результаты многолетних научных изысканий авторов, занимавшихся указанной проблематикой. В этом качестве книга призвана подвести определенный итог исследований в области изучения истории и этнографии кряшен, многие аспекты которых еще требуют своего исследования.

Между тем, если возвращаться к вопросу о современной этнической и конфессиональной идентичности кряшен, то значительный интерес в этом отношении представляет статья К.Ю. Хуснутдиновой «Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан в восприятии кряшен». Работа основана на относительно массовом опросе (всего в выборку попало 800 человек обоих полов) кряшенского населения Кукморского, Лаишевского, Рыбно-Слободского, Заинского, Чистопольского, Мамадышского, Елабужского и Кайбицкого районов Республики Татарстан. Т.е. в опросе участвовали кряшены разных этнографических групп: в том числе заказанской (Лаишевский, Рыбно-Слободской, Кукморский районы) и молькеевской (Кайбицкий район). Согласно данным работы К.Ю. Хуснутдиновой подавляющее большинство (более 80%) кряшен заказанской группы обозначили себя именно «кряшенами» по национальности. Только от 1 до 7% (по разным районам) назвались «крещеными татарами». В то же время большинство (69%) представителей молькеевской группы, согласно данным этого опроса, назвали себя именно «крещеными татарами», и только 27% «кряшенами» [40, с.106–107].

При этом в статье указывается на то, что для кряшен этой группы вышеуказанные понятия являются по сути равнозначными, и для них понятие «кряшен» фактически равно понятию «крещеный татарин». В свою очередь кряшены других этнографических групп, попавшие в фокус данного исследования, отрицательно относятся к тому, чтобы их называли «крещеными татарами» [40, с.108].

Исследование проблематики, связанной с развитием общественных движений кряшен в первые десятилетия советского периода отечественной истории получило дальнейшее развитие в монографии Л.А. Мухамадеевой «Общественные и культурные институты татар-кряшен в 1917–1940-х гг.» (Казань, 2019). В книге дается подробный обзор развития как гражданских («национальных» по советской терминологии) так, отчасти, и церковных институций кряшен от первых лет советской власти до окончания Великой Отечественной войны (ВОВ). Показано, что в 1920-х гг. в среде кряшен набирало обороты активное движение за самоопределение в качестве отдельной, самостоятельной «нации», которое было свернуто властями в 1930-е годы. Основываясь на приводимых автором монографии фактах, можно сделать вывод, что свертывание в те годы гражданских институтов кряшен (периодических изданий, учебных заведений) происходило практически одновременно со свертыванием институтов церковных: православных приходов, «крещено-татарского» Трехсвятительского монастыря. Это во многом говорит о том, что этническая самобытность в данном случае была тесно связана с религиозной принадлежностью. Исследователь справедливо указывает на то, что в условиях государственного атеизма возможности для самобытного развития для кряшен резко сузились [26, с.61]. При этом на конкретных примерах показано, что в 1920-е гг. данное этноконфессиональное сообщество имело потенциальные возможности для этнического самоопределения примерно одинаковые с такими нацменьшинствами региона как удмурты, чуваша, марийцы. Причиной того, что эта возможность не была реализована следует считать прежде всего политический курс высшего руководства страны по слиянию отдельных малочисленных народов с более крупными. В последнем разделе книги рассматривается участие кряшен в ВОВ и вклад отдельных, наиболее выдающихся, выходцев из них в победу над гитлеровской Германией. Монографию Л.Мухамадеевой можно считать значимым вкладом как в изучение

истории кряшен в XX в., так и, в целом, татароязычного сообщества Урало-Поволжья.

Из числа нынешних сотрудников татарстанского Института истории им. Ш.Марджани изучением постсоветского общественного движения кряшен, связанного с процессами этнической мобилизации, занимается Э.И. Шарафиев. Им опубликован ряд работ на соответствующую тематику, в частности, заслуживает особенного внимания статья «Общественный дискурс кряшен Республики Татарстан в конце 1980-х – 1998 гг.». Интересующая автора указанной публикации проблематика рассматривается по трем тематическим кластерам: 1) этнополитический, 2) социокультурный, 3) организационный, каждый из которых соответствует направлениям кряшенского движения в Республике Татарстан [43, с.59]. Кроме того, его же перу принадлежат статьи, посвященные вопросу влияния культурных общественных мероприятий на формирование идентичности кряшен в постсоветский период [42], а также краткий обзор интернет-ресурсов, связанных с возрождением кряшенского движения на рубеже XX–XXI вв. [41].

Непосредственно проблеме этнической идентичности кряшен посвящена диссертационная работа В.Илизаровой «Кряшены: факторы формирования этнокультурной идентичности». В частности, автор указывает на то, что этническая идентичность начала формироваться у кряшен еще в дореволюционный период [13, с.19]. Причем, отмечается, что религия является одной из основных составляющих кряшенского самосознания и в настоящее время продолжает играть роль одного из важнейших институтов передачи и поддержки этнокультурной идентичности [18, с.20].

Одним из первых среди такого рода исследователей-энтузиастов, начавших публиковать свои сочинения на тему кряшеноведения еще в «перестроечные» времена, был М.С. Глухов (Ногайбек) (1937–2003). Его сочинения и некоторые содержащиеся в них утверждения по вопросам этнической истории кряшен и их возможных предков, судя по всему, пользуются определенной популярностью среди читающей части кряшенского населения. В память М.С. Глухова по инициативе активистов кряшенского движения в Республике Татарстан время от времени собирались тематические конференции по тем или иным аспектам кряшеноведения. Так, напри-

мер, 23 ноября 2012 г. в Казани состоялись третьи по счету публичные чтения на тему «Национальное самоопределение кряшен: история и современность», приуроченные к 75-летию М.С. Глухова. В то же время среди специалистов-историков и этнологов преобладает критическое отношение к этногенетическим изысканиям в области тюркологии, изложенным в соответствующих сочинениях М.С. Глухова, которые сам автор характеризовал как опыт «неформального подхода к еще ненаписанным страницам истории» [9, с.3].

Среди современных публицистов, время от времени выступающих в республиканской, преимущественно малотиражной, печати по актуальным вопросам этнического самоопределения кряшен и их современного развития как народа, особого упоминания здесь заслуживает имя А.В. Фокина. Сам А.В. Фокин является одним из наиболее известных активистов кряшенского движения в Республике Татарстан, ратующих за культурную и национальную самобытность своего народа. В сборнике с говорящим названием «Кряшены – судьба моя: Эпизоды истории, теории и практики национального движения кряшен» (2013) были опубликованы принадлежащие перу А.В. Фокина статьи, заметки, а также материалы личных интервью с ним. Это издание, отличаясь общей разноплановостью, включает в себя сочинения разных лет и отражает определенную эволюцию во взглядах автора на затрагиваемые им вопросы. Среди тем сборника – проблема этнического самоопределения кряшен, их происхождения; насущные задачи общественного национального движения, роль миссионерской деятельности Н.И. Ильминского и его сподвижников в исторических судьбах кряшенского народа, отзывы и рецензии на некоторые опубликованные за последние годы работы по кряшеноведению.

Надо сказать, что, затрагивая вопрос о предполагаемых предках кряшен, А.В. Фокин высказывается с большой долей осторожности и в принципе не прибегает здесь к каким-либо категорическим суждениям. В то же время исследователь-публицист всячески отстаивает идею этнокультурной самобытности данного народа, который несправедливо, по его мнению, определяют в качестве «субэтноса» казанских татар некоторые деятели республиканской науки. Показательна в этом отношении и сугубо положительная оценка миссионерской деятельности Н.И. Ильминского, которая, как неоднократно

подчеркивается автором, во многом способствовала формированию кряшен как устойчивой этноконфессиональной группы со своей «национальной» интеллигенцией.

В целом авторский сборник А. В. Фокина будет полезен и достаточно информативен для всех, кто может заинтересоваться историей кряшенского вопроса в Татарстане.

Определенную попытку исследовать некоторые аспекты этнографии кряшен еще в позднесоветское время предпринимал исследователь-любитель И.Г. Максимов, инженер по образованию и профессии. Будучи сам кряшеном по происхождению, он вплотную заинтересовался проблемой исторического происхождения своего народа уже ближе к пенсионному возрасту. Отдельные небольшие статьи и письма И.Г. Максимова были опубликованы в сборнике материалов «Есть такой народ – кряшены» (Казань, 2011), изданном при содействии «Совета ветеранов кряшенского движения г. Казани». При этом сами издатели в предисловии к сборнику указывают на то, что во многом его писания с научной точки зрения наивны, в ряде случаев «непримиримо категоричны, и необъективны» [11, с.11]. В то же время, записки и статьи И.Г. Максимова представляют собой определенный срез умонастроений и чаяний «кряшенско-татарской» интеллигенции 70–80-х гг. XX в. Поэтому они могут рассматриваться как своего рода этноисторический источник по кряшенской проблематике.

Можно сделать вывод, что большинство специалистов склонно рассматривать этнографию кряшен прежде всего в контексте этнографии татарского населения Волго-Уральского региона. Эта тенденция вытекает из устоявшейся традиции рассматривать самих кряшен в качестве субэтнической (этноконфессиональной) группы внутри татарского народа. Несмотря на появление отдельных работ, написанных в конструктивистской парадигме, и в которых содержится определенная критика такого взгляда, эта точка зрения во многом сохраняет устойчивость в работах многих современных специалистов (это иллюстрирует хотя бы употребляемый там термин «татары-кряшены»). Что касается вопроса о внутреннем разнообразии и неоднородности кряшенского этнического сообщества, то здесь опять же существуют различные мнения. В разных научных публикациях называется неодинаковое число этнографических

групп, на которые делятся кряшены. Но, несмотря на этот факт, все исследователи указывают на молькеевскую группу как наиболее своеобразную в силу специфики ее истории формирования и особенностей традиционной материальной культуры. Кроме того, принято выделять и нагайбаков как особую этносословную группу с обособленной территорией расселения, при том, что в настоящее время они получили статус коренного малочисленного народа.

Между тем, у специалистов нет единого взгляда на процесс этнического формирования кряшенской общности, а также устоявшейся характеристики присущего ей традиционного комплекса обрядов и верований, закономерностей развития духовной культуры. Причина этих разночтений видимо кроется в неоднородности этнического формирования различных локальных групп кряшен, испытавших различные культурные влияния, обусловленные особенностями (этнокультурными, историческими) районов их расселения. Малоизученным остается вопрос исторического развития (при учете региональных особенностей) традиций религиозности кряшенского народа, равно как и функционирования означенных традиций в наше время.

Источники и литература

1. *Альмеева Н.Ю.* Календарное пение татар-кряшен и его роль в этнокультурологических реконструкциях // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: Труды международной конференции. Т. II. Казань, б. и., 1992. С.187–190.

2. *Баркаръ Е.В.* Кряшены и их народная религиозность // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. 2007. №3–4. С.54–68.

3. *Баязитова Ф.С.* Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М.: Наука, 1986. 248 с.

4. *Беляков Р.Ю.* Кряшенский вопрос в Демократической и Советской России (1917–1925 гг.) // Материалы научно-практической конференции на тему «Этнические и профессиональные традиции кряшен: история и современность». Казань, 2001. С.149–152.

5. *Викторин В.М.* Проблемы этнокультурной специфики кряшен и нагайбаков в общественно-политических дискуссиях рубежа XX–XXI вв. // Этноисторические и социокультурные проблемы самоидентификации кря-

шен: Материалы публичных чтений памяти ученого-краеведа М.С. Глухова 12 ноября 2005 г. Казань, 2008. С.17–42.

6. *Воробьев Н.И.* Кряшены и татары (некоторые данные по сравнительной характеристике быта) // отд. оттиск из журнала Труд и хозяйство. 1928. №5. 12 с.

7. *Воробьев Н.И.* Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Челнинского кантона ТССР // Вестник научного общества татароведения. 1927. №7. С.157–173.

8. *Воробьев Н.И.* Отчет о поездке с этнографической целью в Свияжский и Тетюшский кантоны ТССР летом 1927 г. // Вестник татароведения. 1928. №8. С.100–111.

9. *Глухов-Ногайбек М.* Судьба гвардейцев Сеюмбеки. Казань: Ватан, 1993. 285 с.

10. *Дунаева Т.Г.* Кряшеноведение: Библиографический указатель. Казань: Изд-во КГУКИ, 2008. 282 с.

11. Есть такой народ – кряшены: Проблемы этноконфессиональной идентификации кряшен. Казань, 2011. 300 с.

12. *Иванов А.И.* Кто такие кряшены? // Азия и Африка сегодня. 2004. №12. С.49–55.

13. *Илизарова В.В.* Кряшены: факторы формирования этнокультурной идентичности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 22 с.

14. История и культура татар-кряшен: XVI–XX вв. / отв. ред. *Р.Р. Исхаков*. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 960 с.

15. *Исхаков Д.М.* Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (Принципы выделения, формирование, расселение и демография). Казань: ИЯЛИ, 1993. 172 с.

16. *Исхаков Р.Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (Последняя треть XVIII – нач. XX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 222 с.

17. *Исхаков Р.Р.* Очерки традиционной культуры и религиозности татар-кряшен: XIX – нач. XX вв. Казань: Изд-во «Центр Инновационных Технологий», 2014. 330 с.

18. *Казьмина О.Е.* Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в России. Москва, 2009. 153 с.

19. *Козлова К.И.* Этнография народов Поволжья. Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1964. 175 с.

20. *Котова Е.Н., Лойко Л.М.* Некоторые черты современного быта молькеевских кряшен и восточных марийцев // Субэтноты в СССР: Сборник научных трудов. Ленинград, 1986. С.60–69.

21. *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 344 с.

Севастьянов И.В. Историография изучения кряшен в Новейшее время

22. *Кучепатова С.В.* Почитаемые места татар-кряшен // Живая старина. 2002. №3. С.27–29.
23. *Кефели-Клайн А.Н.* Народный ислам у крещеных православных татар в XIX в. // Российская империя в зарубежной историографии. М.: Новое изд-во, 2005. С.539–569.
24. *Макаров Г.М.* Перспективы развития традиционной культуры кряшен в современных условиях // Материалы научно-практической конференции на тему «Этнические и конфессиональные традиции кряшен: история и современность». Казань, 2001. С.22–34.
25. Молькеевские кряшены: проблема формирования и демографическое развитие в XVIII – начале XX вв. / сост. Н.Ю. Альмеева. Казань, 1993. 156 с.
26. *Мухаммадеева Л.А.* Общественные и культурные институты татар-кряшен в 1917–1940-х гг. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 251 с.
27. *Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар-кряшен. Казань: Слово, 2005. 159 с.
28. *Мухаметшин Ю.Г.* Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры: середина XIX – начало XX вв. М.: Наука, 1977. 184 с.
29. Народы Европейской части СССР. Т. II / под ред. В.Н. Белицер, Н.И. Воробьева, Л.Н. Терентьевой, Н.Н. Чебоксарова. М., 1964. 918 с.
30. Народы России: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 479 с.
31. *Нуриева Н.* Этномузыкальные параллели в системе народного календаря финно-угров и крещеных татар (кряшен) // Финно-угроведение. 1996. №1, С.88–93.
32. *Соколовский С.В.* Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004. 247 с.
33. *Суслова С.В., Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.): Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: ФЭН, 2000. 311 с.
34. *Таймасов Л.* Этноконфессиональная ситуация в Казанской губернии накануне буржуазных реформ // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Сарго, 2003. С.106–136.
35. Татары / отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. М.: Наука, 2001. 583 с.
36. *Уразманова Р.К.* Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл XIX – нач. XX вв.): Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Дом печати, 2001. 197 с.

37. *Уразманова Р.К.* Особенности традиционных народных праздников татар Среднего Поволжья // *Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья*. Казань, 1991. С.78–104.

38. *Усачева Г.Б.* Некоторые родильные обряды кряшен // *Этнические и конфессиональные традиции кряшен: история и современность: материалы научн. практ. конф.* Казань, 2001. С.178–182.

39. *Фокин А.В.* Кряшены – судьба моя: Эпизоды истории, теории и практики кряшенского национального движения. Казань: Типогр. «Интерпресс+», 2013. 203 с.

40. *Хуснутдинова К.Ю.* Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан в восприятии кряшен // *Гармонизация межэтнических и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан* / отв. ред. Титова П.А., Козлова В.Е., Патева Р.Ф. Казань: Изд-во «Артефакт», 2017. С.103–120.

41. *Шарафиев Э.И.* Контент интернет-ресурсов татар-кряшен как исторический источник // *Кряшенское историческое обозрение*. 2018. №2. С.93–118.

42. *Шарафиев Э.И.* Публичные мероприятия как показатель возрождения этнокультурной идентичности кряшен в постсоветский период (на примере праздников и литературно-музыкальных вечеров, посвященных памяти поэта Егора Уткина) // *Кряшенское историческое обозрение*. 2020. №2. С.65–74.

43. *Шарафиев Э.И.* Общественный дискурс кряшен Республики Татарстан в конце 1980-х – 1998 гг. // *Кряшенское историческое обозрение*. 2021. №1. С.57–71.

44. *Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования*. Казань: ПИК «Дом печати», 2002. 248 с.

Сведения об авторе:

Севастьянов Иван Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Российская Федерация); e-mail: rushd-al@yandex.ru

Севастьянов И.В. Историография изучения кряшен в Новейшее время

HISTORIOGRAPHY OF THE STUDY OF THE KRYASHENS IN MODERN TIMES

The article describes the historiography of the study of the ethnography of the Kryashens as an ethno-confessional community, chronologically related to the Soviet, as well as to the post-Soviet stages of national history. Particular attention is paid to the comprehension in the named historiography of the ethnocultural specifics of the Kryashens against the background of the general Tatar ethnolinguistic array. In addition, the history of studying the internal diversity of the Kryashen ethno-confessional community, the various ethnographic groups that make up the named community, is analyzed. A significant place is given to the scientific interpretation of the ethnic identity of the Kryashen population belonging to various local ethnographic groups. In addition, an attempt is made to comprehend the various theoretical approaches used by the authors-specialists in their study of the ethnography of the Kryashens.

Keywords: Kryashen studies, historiography, ethnic groups, ethnic theory, constructivism, Tatar studies.

About the author:

Sevastyanov Ivan Vladimirovich – Cand. Sci. (history), Researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklouho-Maclay of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); e-mail: rushd-al@yandex.ru